

ГЕОРГ БРАНДЕС

БАЙРОН И ЕГО
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Георг Моррис Кохен Брандес

Байрон и его произведения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25581343

Аннотация

«Когда вы войдете в музей Торвальдсена в Копенгагене, то первым скульптурным произведением, которое по правую руку бросится в глаза, будет мраморный бюст красивого молодого человека с тонкими, благородными чертами лица, с чудными кудрями, бюст лорда Байрона. Такой же бюст, но только гипсовый, вы увидите и в зале № XII; бюст этот по смерти Байрона послужил моделью для его статуи, которую вам нетрудно будет отыскать в зале № XIII...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Георг Брандес

Байрон и его произведения

I

Когда вы войдете в музей Торвальдсена в Копенгагене, то первым скульптурным произведением, которое по правую руку бросится в глаза, будет мраморный бюст красивого молодого человека с тонкими, благородными чертами лица, с чудными кудрями, бюст лорда Байрона. Такой же бюст, но только гипсовый, вы увидите и в зале № XII; бюст этот по смерти Байрона послужил моделью для его статуи, которую вам нетрудно будет отыскать в зале № XIII. Если вы остановитесь перед гипсовым бюстом, который вне всякого сравнения отличается наибольшею выразительностью, то прежде всего вы будете поражены изяществом и осмысленностью его красоты, а затем жизнью, которая запечатлена в нем, и в особенности тревожными думами, расположившимися на его челе, подобно тучам, вот-вот готовым разразиться страшною грозою, и, наконец, мощною, подавляющею силою взгляда. Чело это носит на себе печать непоколебимой энергии.

Если подумать о разнице в характерах Байрона и Торвальдсена и припомнить при этом, что последний, по всему вероятию, во всю жизнь не прочел ни единой строки англий-

ского поэта, и Байрон представлялся Торвальдсену далеко не в выгодном свете, то нельзя не подивиться результату встречи этих двух великих людей. Правда, бюст передает слабо и недостаточно, но за то правдиво и прекрасно, одну из преобладающих черт байроновского характера, которая так далека была от торвальдсеновской: область, в которой Торвальдсен был действительно велик, — идиллия; когда он изображает въезд Александра в Вавилон, то пастухи, овцы, рыбак, дети и женщины, вся обстановка торжественной процессии удаются ему несравненно лучше, нежели сам герой; героическое не всегда по плечу Торвальдсену; но его дело и изображение проявлений мятежного духа в той сложной, новейшей форме, которую называли демонической. И все таки он прекрасно понял дух Байрона. Своим бюстом он воздвиг поэту памятник, который, правда, не пришелся по вкусу ни графине Гвитчиоли (Guiccioli), ни Томасу Луру, тем не менее вполне достоин и поэта, и художника. Знай последний Байрона лично, произведение его, наверное, больше выиграло-бы и лучше передавало-бы тот открытый, приятный характер, который так очаровывал всех, кто был знаком с поэтом. Но этого-то и нет в бюсте. Как-бы то ни было, датскому художнику вполне удалось под мрачным выражением, которое он придал бюсту, по его признанию, совершенно случайно, воспроизвести реальное, глубоко-своеобразное выражение скорби, тревоги, гениальной мысли, благородной и страшной силы.

Несомненно, что это тот самый Байрон, каким его знали

по музею и с которым выросло прежнее поколение; но, не смотря на это, относительно бюста упорно держался анекдот о посещении поэтом мастерской Торвальдсена и восклицании его, что он хотел-бы казаться, менее несчастным¹, и все невольно дивились, что такой великий человек не мог быть вполне естественным. Таким образом, уже с самого начала мы стали к Байрону в неестественные, ложные отношения. В подобные странные отношения стало к нему и новое поколение в течение последнего пятидесятилетия, прошедшего со смерти поэта. Он слишком далек от того, чтобы быть героем наших дней. Все, что так интересовало в нем наших дедушек и бабушек, и интересовало их даже более, чем его поэтический гений, все это отвергнуто нынешним поколением. Нынешнее поколение уже не интересуется ни легендами о нем, ни многочисленными преданиями, которые связаны с историей его жизни и мешают беспристрастно взглянуть на нее; для него поэт уже не театральный герой, галстук которого служил моделью для всех франтов, не романический герой, никогда не расстававшийся с своими пистолетами, герой, любовные похождения которого были не менее известны, чем его произведения, не тот, наконец, аристократ, громкий титул которого был так дорог ему, но увы! уже не производил импонирующего действия на его демократическое потомство. Наш практический положительный век невысоко ставит человека, считавшего за честь быть

¹ Thiele: Thorwaldsen in Rom. Bd. I, 312.

Байроном, в житейских же делах бывшего диллетантом. Для него было делом чести заниматься своим искусством только в качестве любителя и диллетанта. В предисловии к своим первым стихотворениям, молодой поэт замечает, что его положения и стремления становятся крайне неправдоподобными, и что он никогда более не возьмется за перо. В апреле 1814 года, находясь уже на вершине славы, которую создали ему его первые поэтические произведения, он решается более не писать и написанное им раньше уничтожить. Спустя месяц, он пишет «Лару», и когда Джеффри замечает, что характер героя обработан очень старательно, он (в одном из писем 1822 года) говорит: «Что подразумевают рецензенты под выражением: «старательно обработан»? Лару писал я, раздвываясь по возвращении с карнавалов и маскарадов 1814 года, на которые я так любил ходить.» Отсюда легко видеть, что он особенно подчеркивал небрежность, своего творчества и отсутствие плана – неизбежное последствие этой небрежности: прежде всего, ему хотелось быть светским человеком и не поэтом по профессии, а диллетантом в поэзии, чего не позволял ему его гений. Стараясь всеми силами казаться диллетантом в своей области, где он никогда не мог им быть, и не отдавая, к великому нашему сожалению, должного своему таланту, он, напротив, был чистейшим диллетантом на том поприще, где ему этого отнюдь не хотелось, а именно – в политике. Сколько ни выказывал он практического смысла, выступая на политическое поприще, политиком его, собствен-

но говоря, руководила только жажда приключений, безразлично: принимал ли он участие в заговоре карбонариев в Равенне, или стоял во главе сулиотов в Миссолунги. Так, едва порешив ехать в Грецию, он, прежде всего, позаботился о том, чтобы заказать для себя и своих товарищей золоченые шлемы с аристократическими девизами. Политик нашего времени – это человек, который имеет определенный план действий, твердо придерживается его, год из году развивает и, наконец, выполняет с твердостью и энергией поистине геройскими, отнюдь не прибегая при этом к каким-нибудь внешним атрибутам. Наконец, целый рой байроновских поклонников и подражателей стал между ним и нами, и образ великого человека помрачился, и впечатление от него потускнело. Ему приписывали их качества и ставили в вину их ошибки. С наступлением в литературе реакции против тех, которые вполтину или совсем ложно понимали его, против людей, разбитых жизнью, разочарованных и интересничавших, имя великого поэта, вместе с именами его подражателей, звезда которых уже угасла, было отодвинуто на задний план, хотя и заслуживало лучшей участи.

Джордж Гордон Байрон родился 22 января 1788 года от страстной и несчастной матери, которая не задолго перед тем разошлась с своим грубым, беспутным мужем, капитаном Байроном, долгое время служившим в Америке, гвардейским офицером; за свою бесшабашную, разгульную жизнь в молодости этот капитан был всюду известен под именем «су-

масбродного Джэка Байрона». За увоз жены маркиза Кармартена (Carmarthen) капитан был привлечен к суду; дело кончилось разводом, и он женился на маркизе. Промотав состояние жены, он обращался с нею так грубо, что та вскоре умерла от горя. Затем, вместе с своей маленькой дочерью, он отправился в Англию и, единственно из денежных расчетов, женился на богатой шотландской наследнице, мисс Катарине Гордон, впоследствии матери того ребенка, слава которого гремит теперь по всему миру. Почти тотчас-же после женитьбы, капитан Байрон начал точно так-же распоряжаться состоянием своей второй жены, как первой, и через год, от её 24,000 фунтов стерлингов оставалось всего 3,000. Она покинула его во Франции и родила в Лондоне свое первое и единственное дитя. При рождении нога дитяти была вывихнута или Повреждена.

Через два года, мать с ребенком перебрались в Шотландию, в Эбордин, куда повременам, отдыхая от своих кутежей, заглядывал и капитан Байрон, в надежде выманить у жены последние гроши. Мистрисс Байрон зачастую принимала его очень радушно; посещения становились все чаще и чаще; наконец, чтобы избегнуть преследований докучных кредиторов, он вынужден был бежать во Францию, где вскоре и умер. Когда известие о его смерти дошло до жены, которая никогда не переставала его любить, она до того огорчилась, что рыдания её огласили всю улицу. У обоих родителей Байрона мы встречаем одну общую характерную черту,

которая выразилась у них только не в одинаковой степени и форме, – необыкновенную страстность, соединенную с значительным недостатком самообладания.

Обращаясь к восходящим линиям, мы найдем у предков обоих семейств одни и те-же черты: у родственников матери – попытки самоубийства и отравления, у родственников отца – геройскую храбрость и какую-то дикость в образе жизни. Дед Байрона с отцовской стороны, адмирал Джон Байрон, известный везде под именем смелого Байрона, «hardy Byron», принимал участие в морской войне с испанцами и французами, плавал по Тихому океану с целью открытий, объехал вокруг земного шара, испытал массу опасностей, приключений и кораблекрушений. Так как у него ни одно путешествие не обходилось без страшных бурь, то матросы дали ему кличку «foul-weather-Taek». Байрон сравнивает свою судьбу с судьбой этого родственника. У брата последнего, деда Виллиама, характерные родовые черты тоже ясно выступают наружу. Это был развращенный забияка, убивший ни с того, ни с сего, на дуэли без секундантов, своего соседа Чэворта (Chaworth.) Только благодаря своему английскому пэрству, удалось ему избежать должной кары за намеренное убийство; он поселился теперь в своем Ньюсгедском аббатстве и жил там, избегаемый всеми, как прокаженный. Домашние ненавидели его; супруга покинула; суеверные деревенские жители рассказывали самые отвратительные истории о совершенных им будто-бы убийствах.

Беспокойная кровь текла в жилах поэта, но кровь эта за то была старинною, аристократическою кровью. С материнской стороны он находился в родстве с Стюартами и мог довести свой род до короля Иакова II. С отцовской стороны происходил он (все-же единственный незаконный сын в родовом древе — обстоятельство, о котором сам Байрон никогда не упоминает) от древнего норманнского дворянского рода, один из предков которого, известный Радульф де-Бурун, принимал участие в завоевании Англии норманнами. Так как упомянутый дедушка лишился своего единственного сына, а затем, в 1794 году, и своего единственного внука, то представлялась возможность, что его ньюстедское имение, а вместе с ним и пэрские права и титул, должны будут перейти к ребенку, которого он в глаза не видал и которого обыкновенно называл «мальчиком, живущим в Эбердине».

Хромой малютка рос, таким образом, с блестящею перспективою впереди. Горд и упрям был он от природы. Когда его еще совсем миленького побранили за то, что он запачкал свое новое платье, он, не говоря ни слова, бледный, как смерть, вцепился себе в грудь обеими руками и в припадке ярости (впоследствии нередко) разорвал на себе платье сверху до низу. Воспитание, данное ему матерью, носило такой характер, что она то осыпала ребенка всевозможной бранью, то расточала всевозможные ласки, то обвиняла его в несправедливостях, которые причинял ей отец, то попрекала уродством. Она больше всех виновата в том, (что это

уродство с самых юных лет набросило мрачную тень на душу ребенка. Не раз мать в глаза называла его уродом. От ортопедических машин и бинтований дело нисколько не улучшалось; нога болела, и мальчику нужно было много усилий, чтобы скрыть боль и хромоту. Подчас он решительно не выносил ни малейших намеков на свой недостаток, подчас же с горьким юмором сам подсмеивался над своей «косой лапой».

Не отличаясь большим прилежанием в школе, ребенок едва научился читать, как с жаром принялся за исторические сочинения и в особенности за путешествия. Таким образом, его страстному стремлению на восток было положено начало еще в самом раннем детстве. Он сам говорит, что не имея еще и 10 лет от роду, он прочел более десятка больших книг о Турции, кроме того, несколько путешествий и арабские сказки. Излюбленным романом мальчика был «Зелуко», Джона Мура, герой которого, вследствие дурного воспитания, полученного от матери, и после смерти отца, предается всевозможнейшим прихотям своей фантазии, а характер его, в конце концов, становится «так-же легко воспламеним, как ружейный порох». Ребенок видел себя, как в зеркале, в этом герое романа, напоминающем Вилльяма Лоуэлла. Между особенностями, игравшими впоследствии решающую роль в жизни поэта, страстное влечение к женщинам уже началось с самого раннего детства. Всего еще пяти лет от роду, он до такой степени влюбился в маленькую девочку

Марию Дёф, что был как громом поражен, когда однажды, одиннадцать лет спустя, услышал об её замужестве.

К гордости, страстности, меланхолии и фантастической жажде путешествий присоединилась еще очень важная характеристическая черта – пламенная любовь к истине, наивная правдивость, сказавшаяся еще в детстве того, кому выпало на долю бороться с общественным лицемерием в Европе. Его склонность противоречить была только одною из форм его любви к истине. Следующий анекдот из его детства доказывает, как горячо он любил правду. Раз нянька взяла его в театр на «Укрощение строптивой» Шекспира, и когда актеры дошли до той сцены, где Катарина говорит: «Это месяц», а Петручио, чтобы укротить ее, возражает: «Э! Да как же ты завираешься, это – солнышко красное», мальчик, возмущенный неправдою, вскочил с места и крикнул актеру: «А я говорю вам, милостивый государь, что это – месяц».

Когда Джорджу минуло десять лет, умер его дед. Первым движением мальчика было бежать к матери и спросить ее, не заметила-ли она в нем какой-нибудь перемены, так как он теперь стал лордом. Когда на другой день в школе перекликали учеников и к его имени, к общему удовольствию товарищей, был прибавлен титул *dominus*, он до того был растроган, что залился слезами и не мог произнести обычного *adsum*.

Осенью 1798 года миссис Байрон отправилась с своим маленьким сыном в Ньюстед. Когда они подъехали к шоссейной заставе Ньюстеда, миссис Байрон, делая вид, будто

не знает местности, спросила женщину, подымавшую шлагбаум, кому принадлежат парк и замок. Женщина сказала, что последний владелец аббатства умер несколько месяцев тому назад, — «А кто же его наследник?» спросила она вне себя *от* радости. — «Да, должно быть, тот мальчуган, который живет в Эбердине».

Тогда нянька, у которой сидел на коленях маленький Байрон, не могла сдержать себя от радости и торжественно воскликнула: «Вот он, вот он, и да благословит его Господь Бог»!

В 1801 году, мальчика отдали в школу в Гарроу (Harrou), одну из английских национальных школ, которые так жаловала высшая аристократия. Преподавание греческого и латинского яз. отличалось и сухостью, и педантизмом и не имело особенного действия на Байрона, который обыкновенно находился в крайне натянутых отношениях с своими учителями, заводя самую романическую дружбу с своими товарищами: «Моя школьная дружба», говорит он в своем дневнике 1821 года, «была формальной страстью, ибо я всегда был очень неспокоен». Он всегда был великодушным другом и защитником слабых. Когда однажды на Пиля, впоследствии министра, напал один из взрослых товарищей и начал его немилосердно колотить, Байрон прорвал расходившегося бойца просьбою уделить ему половину ударов, назначенных его товарищу. Когда один из младших учителей обжог раскаленным железом руку маленькому лорду Горту за то,

что тот плохо поджарил ему хлеб, и мальчик, когда дело дошло до разбирательства, наотрез отказался назвать имя виновного, то Байрон пригласил его жить вместе с собою в одной комнате, обещая, что впредь ему некого будет бояться. «Я стал под его защиту», говорит лорд Горт (см. Мемуары графини Гвитчиоли (Guiccioli), «был крайне счастлив, что приобрел такого доброго и великодушного начальника, который постоянно дарил мне пирожки и всякия лакомства и снисходительно переносил все мои ошибки...» В своих «Часах Досуга» Байрон вспоминает о школьной жизни в прекрасных стихах, обращенных к своему любимому товарищу, герцогу Дорсету.

Когда Байрон приезжал на праздники домой, мать накидывалась на него со всею своею раздражительностью, но знавшею никаких пределов; но вместо того, чтобы трепетать от страха, он частенько не мог удержаться от смеху, видя эту слабость маленькой толстой женщины. Мало того, что она в припадке бешенства колотила всякую посуду, она иногда обращала своего сына в бегство, преследуя его со щипцами или ножом в руках².

Вообразите себе, после одной из подобных сцен, появление молодой белокурой девушки, одним взглядом усмирявшей упрямого мальчика, и вам представится живая картина, вероятно, не раз происходившая в замке Аннеслей, в семей-

² Д'Израэли, нынешний премьер-министр, весьма живо и правдоподобно изобразил в своем романе «Венеция» эти отношения между матерью и сыном.

стве Чэвортс (предок этой семьи был убит на дуэли дедушкой Байрона Вильямом), когда мать и сын гостили в нем, а юная мисс Мэри Анна Чэвортс хоть на мгновение останавливала свои глаза на Джордже. Ей было семнадцать лет, ему пятнадцать. Он страстно любил ее и ревновал. На балах, где она блистала, ему, по принимавшему участия в танцах, вследствие своей хромоты, приходилось с болью в сердце смотреть, как её стан обвивали чужия руки. Наконец, в один прекрасный вечер, ему удалось услышать, как, разговаривая с горничной, намекнувшей ей о Байроне и его видах на нее, она ответила: «Неужели ты думаешь, что меня интересует этот хромой мальчишка?» Он проглотил обиду и ретировался. Тридцать лет спустя, обливаясь слезами, написал он в вилле Диодати, на Женевском озере; свое стихотворение «Сон», которое говорить об этой любви и служит доказательством, как близко к сердцу принял он это юношеское разочарование³.

³ Крайне интересно, как мать, дни года после того, как Байрон уже оставил всякую надежду, сообщила ему о том, что мисс Чэвортс выходит замуж. Они получили известие как раз к то время, когда у неё были гости. «Байрон! сказала они сыну: у меня есть для тебя новость!» – Что такое? – «Достань себе платок, он тебе понадобится». – Байрон сделал, что было ему приказано. Когда затем мать сообщила ему, что мисс Чэвортс вышла замуж, он быстро сунул платок в карман и с искусным равнодушием и холодностью сказал: «Только-то?» в то время, как лицо его страшно побледнело. На замечание матери, что это известие, как они полагала, причинит ему страшное горе, он ничего не отвечал и заговорил совсем о другом. Чем меньше находил он в своей матери друга, с которым мог бы отвести душу, тем большую испытывал он необходимость поверять свои чувства и заботы бумаге.

Отношения между матерью и сыном становились тем более неестественными, чем с большим спокойствием и насмешкою относился Байрон к припадкам бешенства своей матери. Дело дошло до того, что однажды вечером они оба отправились в аптеку с просьбой отпустить безвредной микстуры, если кто-нибудь из них спросит себе яду. Угрожали-ли они друг другу самоубийством? С горьким юмором говорить молодой Байрон в своих письмах о прогулках, благодаря которым он нередко избегал домашних сцен и о которых он ни слова не говорил из страха, по его выражению, «перед обычными материнскими буйными завываниями».

В 1805 году Байрон поступил в Кэмбриджский университет, где проводил свое время не столько в занятиях университетскими науками, сколько в телесных упражнениях, которым он еще с детских лет отдался с особенным жаром, чтобы как-нибудь загладить свой физический недостаток, езда верхом, плавание, нырянье, стрельба, бокс, игра в крокет и попойки – вот искусства, которые он считал своим священным долгом изучить во всей полноте. В нем уже начал немного проглядывать денди. Из одного мальчишеского хвастовства ходил он обыкновенно гулять в сопровождении хорошенькой девушки, которую одевал пажем и выдавал за своего младшего брата⁴; раз даже он дошел до того, что под этим именем представил ее одной незнакомой даме на водах в Брайтоне.

⁴ Гордона.

Ньюстедское аббатство отдавалось в наймы; лишь только наемщик оставил его, Байрон не замедлил переселиться туда. Это – старинное готическое аббатство с трапезною и кельями, заложенное еще в 1170 году, обнесенное кругом стеною, с парком, озером и готическим колодцем на дворе. Здесь, вместе со своими товарищами, наперекор всем правилам, он вел самую бесшабашную жизнь, отличавшуюся тем же характером и оригинальностью, которые так часто встречаются у гениальных юношей, еще не вполне совпавших задачи и цели своего существования. Вставали обыкновенно в замке часа в два по-полудни, затем фехтовали, играли в во-лан, стреляли из пистолетов, а после обеда к великому ужасу богобоязненных соседей, пили круговую из черепа, наполненного бургонским вином. Черен этот, случайно вырытый садовником и, вероятно, принадлежавший какому-нибудь монаху, по нелепой прихоти Байрона, был оправлен в серебро и служил поэту и его товарищам вместо чаши, когда они, из чистого ребячества, одевались в монашеские рясы и обвешивались четками и крестами⁵. Не следует, однако, смотреть на эту проделку с черепом, как на юношеский цинизм, нередко обнаруживаемый, например, молодыми медиками. Характер, подобный Байроновскому, по всему вероятно, чувствовал мучительное наслаждение, имея во время пирушки перед глазами такое своеобразное *memento mori*.

⁵ Теперешний владелец Ньюстеда из религиозных побуждений велел похоронить этот череп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.